

СОДЕРЖАНИЕ

ДВОЙНИК, ИЛИ МОИ ВЕЧЕРА В МАЛОРОССИИ . . . 3
Часть первая 5
Вечер первый 5
Вечер второй 19
ИЗИДОР И АНЮТА 19
Вечер третий 53
ПАГУБНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НЕОБУЗДАННОГО ВООБРАЖЕНИЯ 53
Часть вторая 93
Вечер четвертый 93
Вечер пятый 113
ЛАФЕРТОВСКАЯ МАКОВНИЦА 113
Вечер шестой 158
ПУТЕШЕСТВИЕ В ДИЛИЖАНСЕ 159
ЧЕРНАЯ КУРИЦА, ИЛИ ПОДЗЕМНЫЕ ЖИТЕЛИ . . 197
МОНАСТЫРКА 239
Часть первая 241
Глава I. Вместо предисловия 241
Глава II. Продолжение 250
Письмо первое 250
Письмо второе 255
Письмо третие 257

Глава III.	Отец Анюты	263
Глава IV.	Тетушка и опекун.....	273
Глава V.	Смольный монастырь и выпуск из оного	282
Глава VI.	Возвращение в Малороссию	286
Глава VII.	Цыганский атаман.....	300
Глава VIII.	Французский язык.....	309
Глава IX.	Объяснение.....	320
Глава X.	Смертоубийство.....	329
Глава XI.	Примирение	345
Глава XII.	Неудача	355
Часть вторая		367
Глава XIII.	Неожиданное посещение	367
Глава XIV.	Разлука.....	380
Глава XV.	392
Глава XVI.	Принужденная разлука.....	405
Глава XVII.	Завещание	419
Глава XVIII.	Незнакомец	435
Глава XIX.	Уединенный хутор	450
Глава XX.	Побег	464
Глава XXI.	Неожиданная встреча	476
Глава XXII.	Всему на свете есть конец.....	494

ДВОЙНИК,
ИЛИ МОИ ВЕЧЕРА
В МАЛОРОССИИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Вечер первый

В северной Малороссии — в той части, которую по произволу назвать можно и лесною, и песчаною, потому что названия эти равно ей приличны находится село П***. Среди оного, на постепенно возвышающемся холме, расположен большой сад в английском вкусе, к которому с северной стороны примыкает просторный двор, обнесенный каменою оградою; на дворе помещичий дом с принадлежащими к нему строениями. Из одних оконек дома виден сад, из других видна улица, а по ту сторону улицы зеленеются конопляники, составляющие главный доход жителей тамошнего края. Холм окружен крестьянскими избами, выстроенными в порядке и украшенными (на редкость в той стране) каменными трубами. В некотором расстоянии от села густой сосновый лес со всех сторон закрывает виды вдаль. В этом селе и в этом помещичьем доме жил я безвыездно несколько лет. Рассказывать, по каким причинам я жил там безвыездно, было бы вовсе излишне; довольно того, если скажу тебе, мой благосклонный читатель, что я покорный слуга твой, — не другой

кто, как сам помещик того села. В течение нескольких лет моего там пребывания время проходило не совсем для меня весело, но не совсем и скучно, и я на то никак не жалуюсь; ибо где в поднебесной провести можно время совершенно счастливо, совершенно весело? Какой человек на свете (я говорю о людях несколько испытанных и не совсем молодых) может похвалиться, что он где-нибудь или когда-нибудь совершенно был счастлив? Если ты, любезный мой читатель, еще очень молод, — если приятности жизни представляются тебе еще в дали блестящей, то ты мне не поверишь; ты скажешь сам себе: «Теперь я, конечно, не могу называться счастливым, теперь недостает у меня того, другого, например, чинов, почестей, имения; но как скоро достигну до всего, чего желаю, что тогда помешает мне быть счастливым? Когда человек здоров, молод, богат, знатен, то он должен быть и счастлив». Ошибаешься, друг мой, молодой читатель! Со временем ты собственным опытом узнаешь, что совершенное благополучие не есть удел этой жизни, и что как бы ни повезло тебе счаствие (чего от души желаю), все-таки оно не довезет тебя туда, куда стремиться будешь. «Чем дальше в море, тем больше горя», — говорил один старик, приятель мой. И я ему сначала не очень верил; а теперь верю!..

Но спросишь ты у меня, что же тебе делать, чтобы быть, по крайней мере сколько возможно, счастливым? Скажу в ответ: старайся быть довольным судьбою своею и не завидуй судьбе других. Помни золотое правило, почерпнутое мною в молодости из одной учебной книги, и которое нашел я чрезвычайно полезным в течение жизни своей:

Что Господом дано, ты тем и наслаждайся;
Чего же не дано, о том не сокрушайся.

Не забывай никогда, что сокрушаться о том, что не дано тебе, ни к чему не служит. Сокрушением своим ты не достигнешь того, чего желаешь, а только потеряешь вкус к тому, что имеешь. Человека, пренебрегающего этим правилом, сравнить можно с солдатом, который во время похода вздумал бы крушиться о том, что у него, вместо щей да каши, нет сладких пирогов. Как часто, в горестные минуты, правило это меня утешало! Итак, любезный читатель, вот мой дружеский совет! Кушай на здоровье пироги, когда они у тебя есть; но не грусти о них и не посматривай другим в зубы, когда у тебя нет ничего, кроме щей да каши.

Пора, однако, обратиться к делу: я почти признался выше, что иногда и мне, несмотря на упомянутое золотое правило, бывало скучно. Чаще всего случалось это по вечерам, когда крестьяне, окончив сельские работы, предавались покоя и около дома моего становилось пусто. Я тогда обыкновенно садился к открытому окну и в задумчивости слушал унылое пение молодых крестьянок, до поздней ночи веселящихся на вечеринках. Кому случалось слышать это пение в северной Малороссии, тому не покажется непонятным, что я не сердился на лай собак, крик филинов и визг летучих мышей, от времени до времени заглушавших песни красавиц.

В один прекрасный вечер, я, по обыкновению, сидя у окна, мечтал о будущем и не без грусти вспоминал о прошедшем. Неприметно переходя от воспоминания к воспоминанию, от мысли к мысли,

я в воображении принялся за любимое занятие, когда бываю один и без дела... я начал строить воздушные замки. Живейшее воображение в таких случаях бывает лучшим архитектором. Я не могу пожаловаться на леность своего воображения, и потому воздушные здания с неописанною скоростию возвышались одно другого красивее, одно другого пышнее. Наконец взгромоздив замок, который огромностию и красотою превосходил все прочие, я вдруг опомнился и со вздохом обратился к настоящему! Если бы, подумал я, вместо всего несбыточного, которое бродит у тебя в голове, имел ты хотя одного доброго товарища, который бы делил с тобою длинные вечера! Но нет — и этого даже быть не может! Ты осужден оставаться одиноким; друзья твои далеко; и кто из них пожертвует собою, чтоб посетить тебя в такой глупши? Несмотря, однако ж, на то, будь доволен своею судьбою и помни:

Что Господом дано...

Не успел еще я договорить мысленно этого утешительного изречения, как послышалось мне, что кто-то тихо постучался в дверь. Сначала я принял это за игру воображения, но вторичный стук удостоверил меня, что я не ошибаюсь, и я в нетерпеливом любопытстве громко закричал:

— Милости просим!

Дверь отворилась без скрипа, и вошел в комнату мужчина средних лет и росту выше среднего. Волосы его были кудрявые, глаза голубые, губы довольно толстые и нос вздернутый немного кверху. Он поклонился весьма ласково и когда подходил ко

мне ближе, то я заметил, что он немного прихрамывает на правую ногу. Нельзя представить себе, до какой степени поразило меня его появление! Кроме того, что я понять не мог, каким образом подошел он к дому так неприметно, что я не видал его, сидя у открытого окна, кроме того, говорю я, внезапное появление его произвело во мне какое-то странное и неизъяснимое впечатление! При первом взгляде на него сердце мое забилось, — как это всегда случается при встрече с другом после долгой разлуки. Хотя я не сомневался, что вижу его в первый раз в жизни, но поступь его, малейшие его движения и вся вообще наружность напоминали мне что-то знакомое и, так сказать, родное. Я уткнувшись в него, отвечал на сделанный мне поклон и не мог выговорить ни слова. Незнакомец, казалось, приметил мое замешательство и сказал с приятною улыбкою:

— Посещение мое удивляет вас, милостивый государь! Но, зная, что вы одни и что иногда уединение вам тягостно, я вообразил, что сообщество мое в длинные осенние вечера не совсем будет для вас неприятно.

— Милостивый государь, — отвечал я, — вы как будто отгадали самые сокровенные мысли мои. В теперешнем расположении духа моего ничто не может быть для меня благодетельнее, как сообщество приятного товарища. Не знаю, имел ли я когда-нибудь удовольствие вас видеть; но вы кажетесь мне так знакомы, что я, признаюсь, горю нетерпением узнать, с кем имею честь говорить?

— Имя мое, — сказал незнакомец, нимало не значительно, и мне даже трудно было бы объявить

вам оное, потому что, сколько мне известно, оно не существует на русском языке.

— Каким это образом? — вскричал я с удивлением. — Вы, верно, знаете еще с юных лет, что собственное имя человека, или, лучше сказать, прозвание его на всех языках остается неизменным, и потому позвольте сказать вам откровенно, если есть у вас имя на каком-нибудь языке, то должны вы иметь оное и на русском.

— Точно так, милостивый государь; но в том-то и дело, что у меня нет собственного имени; а если б непременно нужно было принять какое-нибудь, то ближе всего мне следовало бы называться так, как вы.

— Как я? Почтенный незнакомец!.. Конечно, это весьма бы для меня было лестно, но...

— Не будем спорить о такой безделице; выслушайте меня, и вы согласитесь, что я говорю правду. Не удивительно, что черты лица моего вам кажутся знакомыми; мы друг на друга должны быть похожи, как две капли воды... И потому, если вы, как я не сомневаюсь, хотя изредка смотритесь в зеркало, то должны во мне узнать самого себя.

Тут я взглянул на незнакомца пристальнее, и внезапно холодный пот облил меня с ног до головы... Я удостоверился, что он в самом деле совершенно похож был на меня. Не знаю, почему это мне показалось страшным, и (признаюсь теперь чистосердечно) я несколько дрожащим голосом сказал:

— Подлинно, милостивый государь! Теперь я вижу, чего не заметил сначала... Я близорук; но скажите, пожалуйста, скажите, кто вы таковы?